О.Х. Адамян

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

АДАМЯН Олег Хачатурович – соискатель ученой степени кандидата политических наук кафедры национальных и федеративных отношений РАГС, советник Военно-юридического фонда (e-mail: khaimov@netman.ru)

Аннотация. *В условиях глобализации актуализируется значение изучения политического поведения человека, касающегося проблем как внутренней, так и внешней политики, для выработки стратегий антикризисного управления. Положение человека в треугольнике отношений «человек – политика – власть» начинает приобретать глобальное измерение. Психолого-политическая стабильность международного сообщества в начале XXI в. формируется из множества векторов политического безразличия или инициативы людей разных стран, их консерватизма или радикализма, соперничества или адаптивности, в том числе к инновационным изменениям, носящим глобальный характер.*

Ключевые слова: *система международных отношений, национальные интересы, политическая психология, установка, стереотипы массового сознания, образ мира.*

Современный финансово-экономический кризис заставил исследователей задуматься, почему формируемая после холодной войны система международных отношений оказалась неустойчивой перед лицом новых рисков и вызовов. В поиске ответов на назревшие вопросы обнаруживается, что в комплексе факторов, обусловливающих функционирование этой системы, по-прежнему доминируют политические и экономические факторы и соответствующие им национальные интересы. Однако проявление этих интересов часто зависит от влияния на международную среду социальных, моральных и психологических факторов. Глобальные перемены потребовали проведения исследований в области изучения факторов международного сотрудничества[1].

Влияние этих факторов на формирование и выражение национальных интересов огромно. Нельзя не согласиться с мнением крупнейшего спе-

[1] Подробнее см.: *Гачев, Г.* Ментальности народов мира. – М., 2008; *Кочетков, В.В.* Психология межкультурных различий. – М., 2002; Практическая психология для дипломатов : учебное пособие. – М., 2008; *Терновая, Л.О.* Между будущим и прошлым. Очерки политической психологии Новейшего времени. – М., 2003 и др.

циалиста по менталитету народов мира Георгием Гачевым, что, несмотря на то, «что в ходе мировой истории и особенно в XX веке все народы сблизились и стали унифицироваться в быту (у всех телевидение и авто...) и в мышлении (интернационализм и математизация в науках, компьютеры…) – и тем не менее в своем ядре каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык – ибо они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли»[1].

Актуализация исследований в области политической психологии происходит вследствие возрастающего практического значения изучения политического поведения человека, касающегося наиболее острых проблем как внешней политики (война, терроризм, политические решения, этнические конфликты, восприятие партнеров по переговорам), так и политики внутренней (политическое участие, дискриминация меньшинств, формирование политических ориентаций) для выработки стратегий антикризисного управления. Не менее важными для становления стабильного и безопасного миропорядка являются задачи исследования закономерностей взаимодействия людей не только в различных социальных группах, но и странах, относящихся к иным цивилизационным группам, в ракурсе того, как люди думают, чувствуют и ведут себя, находясь под влиянием реального или воображаемого присутствия людей с другой геополитической и цивилизационной самоидентификацией. Именно в таких обстоятельствах проявляются различия в восприятии внутренней и внешней политики и международных отношений. И хотя в обоих случаях человек оказывается включенным в своеобразный треугольник отношений «человек – политика – власть», применительно к внешнему миру понятие «власть» часто конкретизируется либо как неэффективные (а еще хуже – коррумпированные) институты глобального управления, либо как попытки ввести в действие некое мировое правительство, игнорирующее национальные интересы. Однако сохраняется психологическая привлекательность политической концепции федерации свободных государств, связанных вместе договором, запрещающим войну[2].

В условиях глобализации политический человек, находясь в сложной зависимости от власти и политики, может иметь различные психолого-политические черты. Первый тип – «человек дополитический без власти», который по разным причинам повинуется власти и поддерживает функционирование ее механизмов и достижение ее результатов. Второй тип – «человек политический без власти», т. е. гражданин, осознающий значение

---

[1] *Гачев, Г.* Ментальности народов мира. – С. 32.

[2] См: *Бернет, Т., Геймз, А.* Кто на самом деле правит миром? Война между глобализацией и демократией. – М., 2008; *Колеман, Дж.* Комитет трехсот. Тайны мирового правительства. – М., 2006; *Эступин, Д.* Кто правит миром? Вся правда о Бильдебергском клубе. – М., 2008 и др.

власти в его жизни, формулирующий свое отношению к ней и добивающийся внесения изменений в ее конструкцию. Третий тип – «человек дополитический при власти» представляет собой криминальный авторитет, эксплуатирующий естественные законы власти как стихийного явления при благоприятном для него отсутствии политики в государстве. Правда, в ряде стран уровень криминализации довольно низок, поэтому данный тип не является распространенным. Четвертый тип – «человек политический при власти» – государственный лидер, проектирующий и эксплуатирующий естественные законы власти с опорой на различные механизмы управления общественным поведением.

Что же касается «человека политического», то в условиях глобальной взаимозависимости становится сложнее различать истинный и ложный авторитет политического лидера в мире в силу того, что происходит смешение стилей лидерства и увеличивается количество факторов, определяющих восприятия политического лидера.

Именно такие особенности свойственны многоуровневой психологии глобального политического общества, которая складывается из психологии исполнения политики своих национальных правительств и психологии международного сотрудничества как условий для формирования и возможностей, и ограничений мировой политики одновременно. Под влиянием понимания того, что мировая политика обязательно должна включать возможности и ограничения, трансформируются механизмы политической социализации личности, изменяются социальные установки людей, возникают новые аспекты мотивации политического участия в международных акциях.

Часто сложные процессы в международной жизни, возникающие в результате пересечения интереса множества участников международных отношений, их готовность к согласованным действиям или, наоборот, расхождение позиций по перспективам развития международной обстановки объясняется наличием установки на сотрудничество или ее отсутствием. Установка – психологическое состояние предрасположенности субъекта к определенной активности и в определенной ситуации. Это явление открыто немецким психологом Л. Ланге в 1888 г. В середине XX в. появилась общепсихологическая теория установки, выросшая на основе многочисленных экспериментальных исследований советского психолога Д.Н. Узнадзе и его школы. Установку можно определять как конкретное состояние целостного субъекта, его модус, его модификацию в той или иной ситуации, готовность к совершению определенной деятельности, направленность на удовлетворение актуальной потребности. В глобализируемом мире многие актуальные потребности начинают оцениваться именно в контексте новой глобальной реальности. В русском языке термин «установка» соответствует английскому понятию «attitude» («аттитюд»). Благодаря установке субъекту не нужно каждый раз заново определять, в чем состоят его

потребности в данный момент, и выбирать лучшие способы их удовлетворения, поскольку на основании прошлого опыта это уже зафиксировано в установке[1].

Применительно к участникам международных отношений понятие «установка» целесообразно рассматривать не как вообще отношение к какому-либо предмету, явлению, человеку, а как готовность к определенному поведению в конкретной международной ситуации. Это понятие отражает не только связь между внутренней и внешней политикой, но и личностный опыт международного общения.

Глубинные механизмы функционирования психологических проявлений участников международных отношений подтверждают концепцию установки. Так, предубеждение, базирующееся на понятиях «свой» и «чужой», опирается на подсознательно сформировавшиеся у данного актора внутренние нормы – нормы политической и экономической жизни, нормы социальной практики и др. То, что эти нормы относятся, как правило, к внутриполитической области, не мешает учитывать их как особый фактор при развертывании политики субъекта международных отношений (государства, ТНК, НПО и др.) во внешний мир. Именно от перечисленных норм идет обычно неосознаваемый отсчет часто наблюдаемого в международной жизни «отклонения» от прогнозируемой политической линии. Появляется возможность дать оценку ситуации как нормальной или девиантной. Феномен установки объясняет как сменяемость внутреннего эталона, которая обеспечивает способность человека адаптироваться к изменяющимся социальным и психологическим условиям среды, так и такие явления, как ксенофобия, национализм и др.

Установки участников международных отношений влияют на стереотипы массового сознания. Поскольку большинство установок приобретается человеком из социального опыта и культуры, массовое сознание крайне редко стремится выработать отношение к политическим явлениям и процессам, а предпочитает получать его в готовом виде, от политиков или из СМИ. Например, в Советском Союзе многие граждане искренне верили в возможности «загнивания» капитализма. Точно так же часть американцев считала оккупацию Ирака американскими войсками «освободительной миссией». Особенно устойчивое положение в массовом сознании занимают этнические, расовые или конфессиональные установки.

В социальной психологии выделяются несколько функций установки в процессе познания и мотивации поведения: познавательная, которая регулирует процесс познания; аффективная, канализирующая эмоции; оценочная – предопределяет оценки; поведенческая, которая направляет поведение. Кроме указанных функций установки важно выделить еще одну, значимую с точки зрения воздействия на массовое сознание и поведение, – функцию барьера. Она проявляется в том, что сформировавшаяся

[1] *Summers, G.F.* (Ed.) Attitude Measurement. – N.Y., 1971.

в сознании человека установка не допускает в него информацию, которая могла бы ей противоречить. Функция барьера отмечается в межличностном общении, когда положительная установка по отношению к близкому человеку заставляет подсознательно не замечать и не запоминать информацию противоположного характера.

Более сложную структуру по сравнению с установкой имеет стереотип. Это понятие было впервые использовано еще в 1922 г. американским журналистом и политологом, одним из родоначальников неолиберализма У. Липпманом в книге «Общественное мнение»[1]. Стереотипы – устойчивые, мало зависимые от эмпирического познания образы окружающих предметов или явлений. Безусловно, формирование в сознании образа предмета всегда включает элемент стереотипизации, т. е. определенную степень упрощения, выделения значимых и вытеснение неважных для субъекта его сторон и характеристик. В то же время устойчивость образам, определяемым как стереотипы, придают особенности процесса их формирования. Во-первых, стереотип всегда далек от собственного опыта: в информационном обществе основным источником стереотипов все чаще становятся соответствующим образом подобранные сообщения СМИ. Во-вторых, устойчивость стереотипа определяется его непосредственной связью с установкой, которая защищает стереотип от возможной трансформации или разрушения.

Политические стереотипы, особенно касающиеся международной жизни, оказываются наиболее удаленными от непосредственного эмпирического опыта человека, а потому являются наиболее устойчивыми. Обидно, когда такие стереотипы ограничивают видение перспективы сотрудничества у политиков и дипломатов. В написанном в самом начале холодной войны романе «Дипломат» Дж. Олдридж писал: «…не в обиду будь сказано Лондону, там все еще не понимают России. Торжественные конференции, взаимные уступки – это все очень хорошо, но на самом деле этих людей никогда не переспоришь. То, что в любой другой стране является веским дипломатическим аргументом, здесь не стоит ничего. Они не понимают обычных дипломатических норм, не понимают, как нужно торговаться и уступать. У них свой особый язык, и все их доводы основаны на узкой марксистской формуле, на догматическом толковании истории с точки зрения экономики, и поэтому все, что они говорят, звучит неуместно и нежизненно. Вы очень скоро убедитесь в том, что русская система несовместима с нашими идеями и с нашим миром. С ними вообще бесполезно разговаривать, а спорить – просто невозможно»[2].

Российский психолог А.П. Назаретян, признавая устойчивость стереотипа, отмечает возможность его «переворачивания»[3], считает, что стерео-

---

[1] См.: *Липпман, У.* Общественное мнение. – М., 2004.

[2] *Олдридж, Дж.* Дипломат. – М., 1952. С. 38.

[3] См.: *Назаретян, А.П.* Психология стихийного массового поведения. Толпа, слухи, политические и рекламные кампании. – М., 2005.

типы, сформированные советской пропагандой, не смогли устоять перед потоками противоположной им информации, хлынувшей из СМИ в период «перестройки». Не поддаваясь разрушению, они перевернулись на противоположную сторону: распространились утверждения, что западный образ жизни и организация экономики являются образцом, на который надо равняться. СССР начал стремительно терять свои идентификационные черты, а это привело к его распаду.

Сегодня же, наоборот, несмотря на рациональный подход к осмыслению собственного исторического опыта, в массовом сознании наблюдается желание восстановить прежние политические стереотипы. Так, исследования, проведенные различными социологическими центрами, свидетельствуют о росте положительных оценок таких спорных политических фигур советской истории, как В.И. Ленин, И.В. Сталин и Л.И. Брежнев. Речь идет не только об их влиянии на отечественную историю, но и на международные процессы. Это же мы наблюдали в общественных дискуссиях в проекте «Имя Россия».

Установки и стереотипы массового сознания играют особую роль в формировании образа мира как отдельного человека, так и больших социальных общностей. Концепция образа мира была предложена и глубоко проанализирована А.Н. Леонтьевым[1], который подчеркивал, что образ мира не является зеркальным отражением явлений и процессов действительности в сознании человека и общества. Образ мира – особая конструкция, формируемая такими институтами, как семья, школа или средства массовой коммуникации. Любая новая информация должна каким-либо образом вписаться в существующий образ мира или будет отвергнута личностью или группой. В свою очередь, недостаток информации компенсируется деталями, взятыми из образа мира. Устойчивость образа мира может быть достигнута за счет его сознательного и управляемого конструирования не только с помощью СМИ, но и большинством других институтов социализации личности. Целенаправленной деятельностью общества и государства по сохранению и поддержанию образа мира, опирающегося на принцип национальной идентичности, можно объяснить устойчивость европейской культурной и других традиций «европейских стран».

При разработке стратегии сохранения образа мира следует учитывать и использовать два основных механизма, способствующих ее реализации. Первый – механизм социальной категоризации, заключающийся в отнесении каждого нового воспринимаемого объекта к группе (категории) подобных и известных ранее. Его основная функция состоит в упорядочении информации и упрощении процесса познания. Второй – механизм социальной атрибуции, состоящий в приписывании реальным личностям или группам

[1] См.: *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977; *Он же.* Избранные психологические произведения. – М., 1983; *Он же.* Философия психологии. – М., 1994; *Он же.* Лекции по общей психологии. – М., 2000 и др.

определенных (положительных или отрицательных) свойств, намерений или действии, возможно, не имеющих в реальности к ним отношения. Действие таких механизмов можно проиллюстрировать с помощью эксперимента, проведенного американскими психологами еще в середине 30-х гг. прошлого века в условиях активного влияния расовых стереотипов.

Образ мира предлагает индивидуальному и массовому сознанию не только систему стереотипизированных образов предметов и явлений, но и готовые модели поведения в той или иной ситуации. Неудивительно, что люди начинают выражать свои мысли при помощи рекламных слоганов, а в реальной жизни воспроизводить модели поведения популярных телевизионных сериалов. Опасно, когда такое восприятие жизни приводит к тупиковым ситуациям в мировой политике, из которых ни отдельное государство, ни международное сообщество не могут выйти без серьезного ущерба для международного сотрудничества.

Психолого-политическая стабильность международного сообщества складывается из множества векторов политического поведения, включающего как политическое безразличие, так и инициативы людей разных стран; как их консерватизм, так и их радикализм; как их соперничество, так и взаимодействие. В совокупности эти и другие параметры формируют:

– предельную психологическую нагрузку глобального социума, показывающую способность людей сохранять целесообразное политическое поведение (требующее предельного напряжения мышления, воли, эмоций) под возрастающим давлением социальной, экономической, правовой, физической жизни (снижение личной безопасности, покупательной способности, возможности обеспечивать себя своим трудом, понимания происходящего вокруг в периоды общемировых кризисов);

– психологическую устойчивость глобального социума, заключающуюся в способности людей сохранять целенаправленность своего поведения в моменты «опрокидывающих» воздействий глобального политического характера (стремительных изменений уклада жизни, системы международных отношений, смены гражданских ценностей);

– психологическую энергичность людей, измеряющую их способность поддерживать достаточно длительное время целеустремленность своего поведения в условиях разрушения системы международных отношений или международной безопасности, что имеет свои конечные пределы;

– психологическую управляемость людей, которая характеризует их способность быстро усваивать новое целеполагание в своем поведении, чтобы успевать адаптироваться к инновационным изменениям политических целей и механизмов глобального управления.

Список литературы

Бернет, Т., Геймз, А. Кто на самом деле правит миром? Война между глобализацией и демократией. – М., 2008.

Гачев, Г. Ментальности народов мира. – М., 2008.

Кочетков, В.В. Психология межкультурных различий. – М., 2002.

Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.

Леонтьев, А.Н. Философия психологии.– М., 1994.

Назаретян, А.П. Психология стихийного массового поведения. Толпа, слухи, политические и рекламные кампании. – М., 2005.

Практическая психология для дипломатов : учебное пособие. – М., 2008.

Терновая, Л.О. Между будущим и прошлым. Очерки политической психологии Новейшего времени. – М., 2003.

© Адамян О.Х., 2009

Ю.М. Васильев

УНИКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ: ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ВРАЧЕЙ-ПЕДАГОГОВ (Опыт социологического исследования)

ВАСИЛЬЕВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант кафедры общей фармацевтической и биомедицинской технологии фармацевтического факультета Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова (e-mail: yury.m.vasiliev@gmail.com)

Аннотация. *В работе анализируются результаты социологического исследования, проведенного среди студентов Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова, по вопросам профессионализма, профессиональной культуры врачей-педагогов и отношения к роли династий в выборе профессии.*

Ключевые слова: *акмеология, профессиональная культура, высшая медицинская школа, врачи-педагоги.*

Одним из основополагающих принципов Болонской декларации является контроль и управление качеством образования.

Разделяя точку зрения профессора В.Э. Бойкова, изложенную в статье «Ценности нравственного сознания: опыт социологического изучения» о том, что «массовое сознание в российском обществе в течение последних 15 лет существенно изменилось. Социологические опросы показывают, что оно в основном раскрепостилось от прежней идеологической табуированности, стало менее политизированным и вполне